

Нынешний год объявлен Годом семьи. Что сделает государство для укрепления и становления, если хотите, этого самого первого и очень важного института общества? Ведь невероятное количество факторов работало на её разрушение. Есть ли смысл перечислять их? Они и без того общеизвестны.

Мне «посчастливилось» однажды побывать на заседании комиссии по делам несовершеннолетних. Это же карательный орган. Указали, наказали, оштрафовали... Завалились бумагами — отчётами друг перед другом. Неудивительно, что газеты ничего не пишут о работе комиссий, о результатах, да и сами матери по понятным причинам молчат об оказанной их семьям помощи.

Соцслужбы, не сомневаясь в правильности своих решений, предлагают матерям: «Давайте мы лучше устроим ваших детей в приют». Уговаривают подписать отказ от ребёнка, чтобы официально, «с чувством исполненного долга», лишит конкретную мамашу материнства. Задумались бы хоть над тем, сколько стоит содержание ребёнка в детском доме, да на половину этого добавили бы, например, пособие по утере кормильца... Это не голые слова, просто не хочу называть фамилий. Социальные работники всё это знают. Вина, недоработка или беда их в этом, тоже известно только им.

Я знаю лишённых материнских прав, которым грозили судом при приближении к детдому, где воспитывались их дети. А что дальше? Куда идти ребятишкам, когда они вырастут? Рвётся последняя связующая нить. Ведь детям не скажут правду: мол, приходила твоя мама, но мы её не пустили... Я воспитывалась в детском доме в Канске (отец погиб на фронте, а мама умерла, простудившись на заготовке дров для больницы, где работала акушеркой). И, конечно, благодарна обществу, которое помогало нам, сиротам военного времени. Но не так давно меня очень больно задела слова заведующей даже не детским домом, а садом, сказанные после смерти директора предприятия пищевой промышленности: «Так жалко, такой был человек». Естественно, хороший был человек. Но вот что она сказала дальше: «Никому ничего не говорил, а ведь тащили „живым и мёртвым“». — «Как это?» — задала я вопрос. «Ну ведь все берём, где работаем», — услышала в ответ.

Как это? Я работала завхозом в детском саду. Что же получается: хочу кусочек мяса, а что скажет повар, если я ему, а значит, и детям, этого мяса недодам? А медсестра? А вдруг поймает заведующая? Выходит, желание своровать у ближнего своего, даже у ребёнка, сидит в крови у современного человека? Та заведующая не понимала, что такие поступки надо хотя бы скрывать. Вместо этого она стала допытываться, когда это я работала в той должности. До

сих пор режет моё сознание это безапелляционное и бессовестное, с моей точки зрения, утверждение...

Больно. Я никогда не хотела открыто обращаться к этой теме, но сегодня меня попросили... написать слова гимна детского приюта. Какого гимна? Разве можно слагать или петь такие гимны? Но слова откровения детдомовца у меня родились. И не надо сравнивать их с какой-либо высокой поэзией. Они выше её. Пусть лишний раз дрогнет сердце несчастной матери или чиновника, ответственного за благополучие семьи.

Я живу в детском доме — приюте,
Проявляет заботу страна,
Окружают вниманием люди,
Но ночами приходит Она...
В светлых комнатах, сытый, одетый
И почти благодарен судьбе...
Но, любимая мамочка, где ты?
Я-то знаю, что плохо тебе.
Мне во всём воспитатель поможет,
Я живу без забот и хлопот.
Но тоска моё сердце тревожит:
Как и где моя мама живёт?
Я в достатке живу.
Как ни странно,
Есть одна голубая мечта:
Помогите встать на ноги маме,
И она осчастливит меня.
Меня мама под сердцем носила,
И, конечно, мы с нею родня.
Обращаюсь к единой России:
Все ли сделала ты для меня?
Ты её материнства лишила —
Разве ты поменяла нам кровь?
Хоть бы видеться нам разрешили,
Чтоб сердца согрела любовь.